ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

(К проблеме тонического стиха)

П. Н. Берков

Литературная продукция первой половины XVIII в. обычно мало привлекает внимание историков русской литературы. Единственная проблема, на которой считается допустимым останавливаться современному исследователю, это проблема возникновения тонического стиха, или, как ее предпочитают иначе формулировать, проблема тонизации русского стиха. Мнения новейших исследователей этого вопроса расходятся: одни считают, что «нет оснований фиксировать... переход (от силлабики к тоникосиллабике) на том или ином авторе — Глюке или Тредиаковском или Ломоносове, — налицо был очень постепенный переход, и персонализировать его нет в сущности особых надобностей».[1] Другие все же считают возможным видеть именно в Тредиаковском родоначальника русского тонического стиха, подчеркивая самостоятельность и независимость его изысканий.[2]

С первой точкой зрения, как, впрочем, и со второй, едва ли можно согласиться. Если принять аргументацию и вывод Л. И. Тимофеева, окажется, что «налицо был такой ход развития, который все равно вел к таким формам» (цит. соч., стр. 155); иными словами, получается имманентное развитие русского стиха. Не говоря уже о нематериалистичности подобного утверждения, оно порочно еще и в том отношении, что совершенно не учитывает социального смысла замены силлаби-

---

[1] Тимофеев, Л. Проблемы стиховедения. Материалы к социологии стиха. М., 1931, стр. 155.

[2] Эту точку зрения защищал в своем докладе в ИРЛИ 31 мая 1934 г. С. М. Бонди. Подробнее см. в статье С. М. Бонди «Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков» в «Стихотворениях» Тредиаковского, под редакцией акад. А. С. Орлова (Л., 1935, стр. 84 и сл.).

ческой системы тонико-силлабической. А суть дела заключалась в том, что складывавшаяся в первую половину XVIII в. дворянская классовая культура, светская по своему содержанию, естественно стремилась к секуляризации, к отталкиванию от традиционных форм феодально-боярской культуры, и в том числе от традиционных форм поэзии—преимущественно религиозной по содержанию и силлабической по конструкции. Поэтому не случайно, что все искания в области тонического стихосложения падают именно на первую половину XVIII в.

Если таковы возражения против первой точки зрения по вопросу о начале русского тонического стихосложения, то против второй точки зрения говорят факты. Часть из них известна, их повторять нет надобности; часть еще недостаточно привлекала внимание, и поэтому на них следует остановиться подробнее.

1

В конце 1827 и начала 1828 г. на страницах видных в то время журналов, «Московского Телеграфа» и «Сына Отечества», были помещены статьи Н. Полевого и некоего М. И., в которых, между прочим, затрагивался вопрос о приоритете введения тонического стихосложения в России. Полевой считал пионером тонического стиха Ломоносова,[1] его оппонент, М. И., называл Тредиаковского.[2] В связи с появлением этих статей в одном из последующих номеров «Сына Отечества» было напечатано «Письмо к Издателям С. Отечества» П. М. Строева,[3] в котором этот известный археограф сообщал как будто новые и весьма любопытные сведения по данному вопросу. Он писал следующее:

«Г-да соперники! вы оба не правы. Тредиаковский возвратился в Россию 1730 года, начал писать хореями в 1735; а первое известное стихотворение Ломоносова относится к 1739—это вам известно обоим (С. Отеч. 1828, № 2, стр. 191). Но тонические шестистопные стихи (кажется, ямбы), с цезурою и почти все мужеские находим в 1729 году; следовательно за год до приезда Тредиаковского, за шесть лет до первых его хореев, и ровно

[1] Московский Телеграф, 1827, № 18, стр. 103.

[2] Сын Отечества, 1828, № 2, стр. 193.

[3] Принадлежность статьи именно П. М. Строеву доказывается у Н. М. Петровского, Analecta metrica, Русский Филологический Вестник (далее сокращенно РФВ), 1914, № 1, стр. 38—49.

за десять лет до Ломоносова. Неизвестно кем они писаны: Vive l'auteur! — Где ж эти знаменитые стихи? В Исторических, Генеалогических и Географических примечаниях к Ведомостям 1729 года. Сии примечания к С. Петербургской Академической Газете издавались с 1729 по 1744 год (Сопиков. Опыт росс. библиограф., ч. IV, № 9016 и 9017), и ныне очень редки; любопытные могут находить их в старинных библиотеках, на Щукином дворе в Петербурге, а иногда на толкучем рынке в Москве. До личных справок, Г-да соперники поверят мне на слово: я, как антикварий, не введу их в заблуждение. Итак к делу». [1]

Затем Строев приводит «семь стихотворных цитат с латинского из Исторических etc. примечаний 1729 года»: «На сей горе растет зеленой виноград»... (стр. 71), «В зеленых где лугах источники лились»... (стр. 73) и т. д. [2] В заключение своего «Письма к Издателям» П. М. Строев пишет: «Вот памятники тонического стихосложения 1729 года... Если прилежнее порыться в забытых книжонках (а паче рукописных) времен Петра Великого и Екатерины I, то следы тонических размеров найдем еще ранее. Но замечательно, что в примечаниях к Ведомостям 1732 года (кои мне тоже попались) все стихи силлабические, а их там много»... [3]

Повидимому, письмо Строева прошло незамеченным и, во всяком случае, не вызвало среди последующих историков литературы интереса, соответствующего важности сообщения археографа. Единственная ссылка на эту статью находится в работе Ольги Покотиловой «Предшественники Ломоносова в русской поэзии XVII и начала XVIII столетия». [4] Однако, как ни авторитетен тон Строева, как ни успокаивающи его уверения, что он, «как антикварий, не введет в заблуждение», следует, во избежание принятия на веру сообщенных им сведений, помнить, что «открытие» его есть результат большой неосмотрительности, никак

---

[1] Сын Отечества, 1828, № VII, стр. 262—263.

[2] Там же, стр. 263—264.

[3] Там же, стр. 264—265. Упоминаемые здесь стихи из Примечаний, 1732, приведены у Н. М. Петровского, цит. соч., РФВ, 1914, № 1, стр. 45 и 47. Н. М. Петровский не указывает, что данные стихи представляют перевод стихов, помещенных в немецком издании Примечаний.

[4] М. В. Ломоносов. Сборник статей под ред. В. В. Сиповского, СПб., 1911, стр. 91—92. Ср. также статью Н. М. Петровского, Analecta metrica, РФВ., 1914, № 1, стр. 39—44.

не простительной такому осторожному автору, каким был Строев.

В своем «Письме», говоря об «Исторических и проч. Примечаниях к Ведомостям», Строев ссылается на Опыт российской библиографии Сопикова (ч. IV, № 9016 и 9017). Однако, сам Строев не сделал соответствующего вывода из своего указания. Дело в том, что под № 9016 у Сопикова значатся «Примечания астрономические, исторические, географические и физические, при С. Петербургских ведомостях издаваемые, с 1729 по 1744 год»; под № же 9017 указаны «Примечания (исторические, генеалогические и географические) в ведомостях, издаваемые в СПб. при Академии Наук, с 1729 по 1740 год. СПб. 1769» и прибавлена аннотация: «Это сокращение предыдущей книги». Между прочим, и у Сопикова при описании этого номера допущена ошибка: местом издания у него указан Санкт-Петербург, тогда как, на самом деле, Примечания «печатаны в Москве при Сенатских Департаментах 1765 года».

Это Московское «сокращение» «Примечаний» оформлено не совсем правильно: хотя на титульном листе и указано, что примечания издавались с 1729 по 1740 год, но на первой странице текста название журнала дано в такой форме: «Исторических, генеалогических и географических Примечаний в Ведомостях в Санктпетербурге 1729 года». В связи с этим, найдя на страницах 71, 73 и следующих данного издания стихотворные цитаты, действительно представляющие собой шестистопные ямбы, Строев и заключил, что эти тонические размеры предшествовали опытам В. К. Тредиаковского. На самом же деле, в петербургских «Примечаниях» 1729 г. на соответствующих страницах ничего подобного нет. Статья «О возгорении серных гор Геклы, Этны и Везувия», в которой имеются, по словам Строева, стихотворные переводы латинских цитат, была помещена в № 3—11 «Примечаний» 1730 г., причем все цитаты приведены в ней в латинском оригинале. Перевод же их был помещен лишь в московском «Сокращении» 1765 г., осуществленном, повидимому, кем-либо причастным к херасковскому университетскому кружку и, следовательно, не может приниматься в расчет при исследовании вопроса о начале тонического стихосложения в России.

Таким образом, мнение о том, что русские поэты, работавшие в конце 20-х годов XVIII в. в Академии Наук, пользовались тоническим стихосложением еще до Тредиаковского, приходится при-

знать не отвечающим действительности. Впрочем, это не означает, что около этого времени не было некоторых, довольно робких, попыток в том же направлении. Но попытки эти принадлежали не русским авторам, а иностранцам.

2

Интерес иностранцев к русской поэзии можно засвидетельствовать уже в очень раннее время. К сожалению, несмотря на то, что вопрос об обследовании «сказаний иностранцев» со стороны содержания в них сведений о русской литературе давно уже ставился Александром Н. Веселовским, [1] а в недавнее время проф. М. П. Алексеевым, [2] работа эта не проделана, и сейчас историк литературы располагает случайными и не систематизированными данными.

Еще в конце 1500-х годов посол австрийского императора Рудольфа II, Эрих Лассота, знакомится с «многочисленными, баснословными рассказами о герое или богатыре Илье Моровлине». [3] В 1619-1620 гг. для Ричарда Джемса делаются записи народных великорусских песен. [4] Повидимому, знакомство иностранцев с русской литературой имело место более широкое, чем это можно судить по опубликованным данным, беглый перечень которых приводится в цитированной статье М. П. Алексеевым. Так, автор записки «О нравах татар, литовцев и москвитян» Михаил Литвин говорит как об общеизвестной вещи о том, что литовцы изучают русскую письменность. [5] Знакомство с русским языком у иностранцев в течение XVI—XVII вв. распространяется настолько, в особенности среди лиц, живущих в Москве или в пограничных местах, что появляются даже опыты создания оригинальных стихотворений на русском или славянском языке.

---

[1] Мелкие заметки к былинам. ЖМНП, 1890, № 3, стр. 6—7.

[2] Das Studium der russischen Literatur im Auslande vor dem 19. Jahrh.— Slavische Rundschau, 1930, № 9, стр. 659.

[3] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1 ‹XVI ст.› Киев, 1890, стр. 157 (Дневник Эриха Лассоты из Стеблева 1594 г.).

[4] Симони, П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского государства. Сборник ОРЯС, 1907, т. I, XXXII.

[5] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. 1, стр. 34 («Мы изучаем московские письменные памятники, которые и не древни, и не заключают в себе ничего, что побуждало бы к доблести»).

Не все эти попытки дошли до нашего времени, но сведения о них все же сохранились.

Так, в 1680 г. вышел в Галле летучий листок известного пастора Глюка под названием Ara et honoris et amoris — Dno Gottfr. Mathesio in die cum ipsi magisterialis dignitas in alma Philyrea concedetur, erecta,[1] представляющий собой, по указанию биографа Глюка, стихотворение на славянском, еврейском, греческом, латинском и немецком языках.[2]

Около того же времени упражняется в сочинении русских стихов датский дипломат в Москве Гильдебранд фон-Горн (Hildebrand von Horrn). В своей реляции от 6 декабря 1681 г. он сообщает, что до царя дошли сведения о том, что он, Гильдебранд, не только говорит по-русски, но даже пишет и стихи на этом языке; поэтому на прощальной аудиенции ему были от царского имени подарены 12 красиво переплетенных русских книг с указанием, что «его царское величество с большим удовольствием узнал как высоко ценит (датчанин) русский язык, почему и решил наградить его названными книгами, не только для того, чтобы он при этом вспоминал о царской милости, но и для того, чтобы и впредь в сем языке упражнялся». «Я поблагодарил — продолжает посол — его царское величество за милость и уверил, что одно это было достаточно сильно, чтобы сделать мне приятным славянский язык, если бы я и не имел вообще никакой к нему охоты».[3]

Надо полагать, что интерес иностранцев к русскому стиху был как-то связан с системой изучения ими русского языка, точнее славяно-московского языка. Поскольку иноземные дипломаты обучались у московских образованных людей, несомненно проходивших в школе курсы пиитики, постольку можно предположить, что упражнения иностранцев в писании стихов являлись частью их изучения языка страны, в которой они являлись пред-

---

[1] Жертвенник почтения и любви, воздвигнутый для г-на Готфр. Матезия в день, когда ему присваивалось в университете магистерское звание.

[2] Подробнее см. Н. М. Петровский, цит. соч., РФВ, 1914, № 2, стр. 532—533.

[3] Aarsberetninger fra det kongelige Geheimarchiv indeholdende Bitrag til Dansk Historie af utrykte Kilder. Kiöbenhaven, 1879, B. VI, H. IV, S. 198. Знакомством с этим источником я обязан исключительной эрудиции и еще более исключительной любезности М. П. Алексеева, которому приношу глубокую признательность.

ставителями своих государств. Что это так, — убеждает следующий факт.

Скандинавский славист А. Иенсен сообщает в статье «Die Anfänge der schwedischen Slavistik»,[1] что в рукописном наследии шведского государственного деятеля и лингвиста Иоанна-Габриэля Спарвенфельдта (1656—1727), бывшего крупным лингвистом, в частности славистом, и археологом,[2] имеется силлабическое стихотворение на русском языке.

Прежде неже что и речеши кому,
Рассудити то должно ти самому и т. д.[3]

На переплете рукописи, откуда заимствованы эти стихи, оттиснуто: «relié en 1684 à Moscou» (переплетено в Москве в 1684 г.). В самом деле, с 1683 по 1686 г. Спарвенфельдт был шведским послом в Моске (Svensk ministr i Ryssland). Очевидно, к этому времени относятся его занятия русским языком и поэзией. Прекрасный филолог, Спарвенфельдт владел, по словам биографов, 14 языками, в том числе и африканскими (он путешествовал не только по Европе, но и по северной Африке); славистикой он очень интересовался, оставил ряд лексикографических трудов по славянскому языку, состоял по этим вопросам в переписке с Лейбницем.[4]

Однако, Спарвенфельдт представляет интерес не только как подтверждение мысли о том, что иностранные дипломаты занимались русской поэзией в порядке изучения русского языка. Дело в том, что все приведенные до сих пор материалы говорили о знакомстве с русской силлабической поэзией. Между тем о Спарвенфельдте есть материал более интересный.

В книге лифляндского пастора Н. Бергиуса «Exercitatio historico-theologica de statu Ecclesiae et Religionis Moscoviticae» (Holmiae, 1704—1705) («Историко-богословский опыт о состоянии Московитской церкви и религии») приведено еще одно русское

[1] Archiv für slavische Philologie, 1909, т. XXXIII, стр. 158.

[2] О Спарвенфельдте, кроме статьи А. Иенсена, см. также Bittner, Konrad. Slavica bei G. W. von Leibnitz, Prag, 1932, SS. 66—79 (или Germanoslavica, 1931—1932, Jhrg. I, Heft 2, SS. 197—211); Ягич, И. В. История славянской филологии. Пбг., 1906, passim; Jacobowsky, Carl Ulf Vilhelm. J. G. Sparwenfeld. Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932.

[3] Полностью стихотворение это воспроизведено в русской транскрипции Н. М. Петровским в цит. соч., РФВ, 1914, № 2, стр. 537—538.

[4] Подробнее об этом в работе д-ра Биттнера, указанной выше.

стихотворение И. Г. Спарвенфельдта, напечатанное латинскими литерами. При более внимательном рассмотрении стихотворения Спарвенфельдта оказывается, что это — правильное тоническое стихотворение, написанное четырехстопным дактилем (первые два стиха — шестистопным дактилем). При этом здесь имеет место не случайность, а сознательное намерение, что явствует из проставленных в тексте ударений. Вот это стихотворение с сохранением в основном орфографии подлинника:

Lucae 21, vers. 15.

Аз бо вам уста дават, и Мудроет из вишнийх послати
Буду, да вам же никто не мог бы против глаголати.
Бе́з вычита́ния о́тцев восто́чных,
И без вызна́ния Пра́вил толь Мо́чных,
Аще Славяно-Российскую ве́ру
Хо́чет вызна́ти Кто то́я же ме́ру;
Зде́ в сей бесе́де обрящет Коне́чно,
Е́же досто́йно Хвали́ти есть ве́чно:
Мно́гих Наро́дов творцы́ бо Писа́ху,
Я́же той ве́ре Проти́вная бя́ху:
Глу́по, Неве́ждо, Бесстýдно, и ло́жно,
Хо́ть бы им бы́ло молча́ти возмо́жно.
Зде́ З самых я́сных исто́чников Ска́чет
Пра́вды вода́, хотя не́навистъ пла́чет.
Ны́не приди́же ты дря́хлого ве́ка,
Го́рде Прево́дниче, Пе́н челове́ка.
Ти́ самому́ треба Пра́вде учи́ться,
Е́ю ж так ми́р весь наста́вить ти мни́тся.
Сле́па, как Хо́чет, слеп пу́ть Показа́ти,
Дру́г друга бу́дет Пропа́сть провожда́ти.
Тя же, влади́ко досто́йно Блажи́ти,
Всем належи́т Благода́рным же Жи́ти.
Труд за сей тво́й, Заслужи́л ти службо́ю
Му́жей разу́мных запла́ту дружбо́ю.
Что́ же есть дру́жба, мирска́я запла́та?
Что́ нам вельмо́жного я́сна пала́та?
Одна бессме́ртна себе́ Доброде́тель
Са́мой запла́та есть и Благоде́тель.
Не́навистъ хо́ть нас Грызе́т зло зуба́ми
Та́кже злонра́вен покле́плет губа́ми;

На́м же утéха да сóвесть быва́ет,
Юже невúнность от Бóга Дава́ет.

За этим стихотворением следует посвящение, также на русском языке, транскрибированное латинскими литерами:

«Преосвященному, именитому, Достохвальному вельми ученому, Препочтенному, о Христе духовному отцу и владице, Господину Николе Бергиусу, Его Королевского величества верному мужу, и генеральному Суперинтенденту Ливонскому, достойному; Приятелю и благодетелю своему присному и всегда почтенному, в вере Славяно-Российской, к восприятию обычныя во святой Богословии степени докторския, мудренно беседующему, сия во свое воспоминание, со всяким благополучения благоприветствованием писал его милости Приятель и раб Иоанн Гавриил Иванович Спарвенфельдт».

Далее идет латинский перевод того же (Versio latina).[1]

Стихотворение Спарвенфельдта не могло пройти незамеченным как тогдашними западными славистами и вообще иностранными учеными (книга Ник. Бергиуса, в которой оно было помещено, выдержала 3 издания — в 1704-1705, 1709 и 1722 гг.), так и русскими образованными читателями. В частности, стихотворение это было известно и В. К. Тредиаковскому, так как, по указанию Н. М. Петровского, он цитирует книгу Н. Бергиуса в своих «Трех рассуждениях о трех главнейших древностях российских» (напечатанных в 1773, написанных в 1757-1758; см. П. П. Пекарский. История Академии Наук, т. II, стр. 208—209).[2]

Несомненно, книга Бергиуса, а следовательно и стихотворение Спарвенфельдта были известны пастору Глюку, интересовав-

[1] Первые сведения об этом стихотворении Спарвенфельдта в научной литературе имеются в Записках И. Академии Наук, т. IV, кн. I, стр. 79, где сообщается о находке П. П. Пекарским этого стихотворения в книге Бергиуса и о прочтении его в заседании отделения, а также о том, что Я. К. Грот в следующем заседании сделал сообщение о биографии шведского автора. Затем оно было перепечатано А. Иенсеном в цитированной выше статье в AfSPh, и, наконец, Н. М. Петровским в неоднократно упоминавшейся статье Analecta metrica (РФВ, 1914, № 2, стр. 535—537). В монографии Якобовского о Спарвенфельдте (Стокгольм, 1932) вопрос о его русских стихотворениях затронут мельком и лишь на материале статьи А. Иенсена (Jacobowsky, op. cit., pp. 77—78)

[2] Петровский, Н. М., цит. соч., РФВ, 1914, № 2, стр. 537.

шемуся русской поэзией еще в 1680 г., и его помощнику магистру Вернеру Паусу, которых В. Н. Перетц считает родоначальниками русского тонического стихосложения.[1] Конечно, деятельность этих авторов по введению тонического стихосложения в русскую поэзию не могла пройти бесследно не только потому, как полагает В. Н. Перетц, что архив В. Пауса был доступен впоследствии академикам, но и потому, что и при жизни В. Паус высказывал в своих работах, адресованных в Академию Наук, свой взгляд на русское стихосложение. В рукописи «Observationes, inventa et experimenta circa literaturam et historiam russicam in camera obscura et optica ad Academiam Scientiarum instituta» (Наблюдения, мысли и опыты касательно русской литературы и истории), представленной Паусом в Академию Наук, он замечает о русских стихах: «Их (т. е. русских) на такой долготе построенные стихи нелепы (absurd) и стеснительны (gezwungen»).[2]

Нет сомнения, что мысли эти принадлежали не одному магистру Паусу, а были общи всем иностранным ученым, работавшим в Академии Наук в конце 20-х и начале 30-х годов XVIII в.; в особенности они должны были быть распространены среди академиков, изготовлявших на немецком языке оды, надписи и прочие образцы придворной поэзии. Взгляды эти также несомненно должны были быть известны и лицам, переводившим эти стихи с немецкого на русский. Повидимому, делались также попытки применить на русской почве классический шестистопный ямб, наиболее распространенный размер в немецкой одической поэзии начала XVIII века.[3]

3

Среди материалов, относящихся к начальному периоду русского тонического стихосложения, особо следует выделить помещенные в LXXXVII части «Исторических, генеалогических и гео-

---

[1] Перетц, В. Н. Историко-литературные исследования и материалы, т. III, стр. 69 и сл.

[2] Изучение русской литературы иностранцами в XVIII в. Язык и литература, 1930, т. V, стр. 106.

[3] Ср. эпиталамическую оду Пауса (1703), приведенную у В. Н. Перетца (Историко-литературные исследования и материалы, т. III, ч. II, стр. 139); ср. «Библиографическая летопись ОЛДП», 1917, III, ч. II, стр. 18—19, а также «Slavia», 1924—1925, Roč. III, Sešit 4, str. 715—716.

графических примечаниев в ведомостях» от 1 ноября 1729 г. (стр. 349—351) переводные вирши, начинающиеся стихом:

«Державнейший монарх! Твой секретарь трудится...»

Внимания исследователей они не привлекали, если не считать нескольких строк, посвященных им Н. М. Петровским в цитированной статье Analecta metrica. Вот что писал этот автор:

«Единственное стихотворение, которое было напечатано в «Примечаниях» за 1729 год, состоит из обыкновенных силлабических вирш; если первые его строки могут быть с грехом пополам признаны тоническими стихами, то уже начиная с четвертой не может быть сомнения относительно силлабического характера их».[1]

Сказанное Н. М. Петровским в известной мере правильно: в целом указанные стихи силлабические, но первые три строки не «с грехом пополам», а без веяких сомнений должны быть признаны тоническими, и, что самое главное, тонический характер их не случаен, а преднамерен: это была сознательная попытка передать на русском языке немецкие стихи (о них см. ниже) с соблюдением размера подлинника.

Для того, чтобы существо дела было яснее, необходимо привести некоторые сведения как из «Ведомостей» 1729 г., так и из «Примечаний» к ним за тот же год. В № 87 «Санктпетербургских ведомостей» от 1 ноября 1729 г. была помещена депеша из Дрездена от 18 октября, в которой сообщалось о приезде короля польского (Августа II, курфюрста саксонского). Затем прибавлено было, что «акцызный секретарь господин Ганке вручил королю увеселительные вирши, в которых он его величество по учиненному предложению о своих акцизных делах и случающихся при оных нужных делах расходах о прибавлении своего жалования просил: которые вирши его величество так благоприятно восприял, что его величество издателю оных вместо прежнего его повсягодного жалования 300 ефимков 600 ефимков всемилостивейше пожаловать изволил» (стр. 349—350). Примечание гласило: «Самые оные вирши зри в изданных при сем примечаниях в LXXXVII части».

В самом деле, в указанной части «Примечаний», помеченной тем же числом, т. е. 1 ноября 1729 г., была помещена статья,

[1] РФВ, 1914, № 1, стр. 42.

озаглавленная: «Из Дрездена». Часть ее, представляющая интерес для анализируемой темы, приводится ниже:

«Объявленные в ведомостях вирши Акцызного секретаря Ганкена, в которых он его величество короля польского по учиненному предложению о трудных своих делах, и случающихся при оных делах многих нужных расходах, о прибавлении повсягодного своего жалования просил, суть следующие».

Затем идут стихи, приводимые ниже, а в примечании редакция указывает: «Мы надеемся сообщением сих виршей благосклонному читателю некоторое особливое приятство учинить, от части ради того, понеже он свое прошение увеселительными словами украсил, от части же, понеже самые вирши изрядно сочинены, которые в сем случае за зело искусные почитать надлежит, и некоторым примером последования быть могут...» (стр. 349).

Державнейший монарх! твой секретарь трудится
Щетами день и нощь, и чрез весь год томится
Щислением долей, и протчими трудами
Непрестанно утружден зборными делами;
Толко что две недели; как времяни прошло,
А уже до четвертой доли от ста дошло,
Жена, как и служанка о деньгах скучают,
А откуда мне их взять того незнают.
Занимать стыжуся, а дом кормить принужден,
Которою бедою я весьма утружден.
Сии триста ефимков как нираздeляю,
А с ними быть доволен никако незнаю.

	Ефимки	Гроши
И дабы я неозяб, на дрова положить	40	—
Еженедельно с квасом, вином, пивом прожить...	104	—
На коровье масло, хлеб, крупу и сало		
По четыре ефимка, и толишбы стало.....	138	20
Ефимков дать на месяц людям за работу	12	—
Шестьдесят за квартиру, чтоб жить без хлопоту .	60	—
За сахар и тебу, за разные табаки,		
За наруки, рубашки, чулки и башмаки.....	33	8
Церулнику четыре, а что же портному?	4	—
Намесяц два ефимка к платью единому	24	—
Сумма...	416	4

Четыреста ефимков, вот беда какая!
А малоль чего нету, в чем нужда всякая.
Что пойдет на жену лент и кружив к убору,
Платье, фижмы, туфли, чтоб неиметь позору?
Малою ли машкары приходят ценою?
В которых на редуты выходят зимою.
Ежели в сад Стамковой ехать приключится,
На едины колачи грошей с шесть здержится.
Сколь часто принужден я на свадьбу ходити,
Бывши также и кумом все денги платити.
А когда часто пойдут еще свои дети,
И тут также денги надлежит имети.
Что станет детский убор? кормилице плата?
И когда умирают, не минется трата,
Понеже на церковны всякие доходы
Всегда чинить надлежит такие росходы,
Словом: на все потребно денег и немало,
А как вижу, у меня их уж и нестало,
Тремя стами неможно пробыть ежегодно,
Прошу милость показать, аще вам угодно,
Прибавить сто ефимков имянным указом,
И я буду доволен таковым образом,
Которую высоку милость незабуду,
И раб ваш
Ганк покорный
во веки пребуду.

Дальнейшая часть статьи «Из Дрездена» не представляет интереса для истории русского тонического стихосложения.

Гораздо важнее обратиться к немецкому изданию как «Санктпетербургских ведомостей», так и «Примечаний» к ним. Дело в том, что русское издание названных академических публикаций представляло собой точный перевод немецкого подлинника. Иными словами, стихи Ганке, приведенные выше, являются не чем иным, как переводом с немецкого оригинала.[1] Действительно, в LXXXVII Stück der historischen, genealogischen und geographischen Anmerkungen über die Zeitungen 1 ноября 1729 года находится немецкий текст стихов Ганке с предисловием и приме-

[1] В St. Pbg. Zeitung от 1 ноября 1729 г., S. 444, приведена депеша из Дрездена, перевод которой дан выше.

чанием редакции, перевод которых приведен выше; вот самые стихи:

Groszmächtigster Monarch: dein Secretarius
Der sich durchs gantze Jahr mit Ziffern plagen muss;
Ich rechne Tag und Nacht, und quäle mich mit Brüchen,
Doch ist vom Monat noch die Hälffte kaum verstrichen,
So ist der vierte Theil von Hundert schon verzehrt,
Da doch so Frau, als Magd fast tägich Geld begehrt;
Wo nehm ich solches her, ich fürchte mich zu borgen,
Indessen soll ich doch das gantze Haus versorgen,
Ich theile, wie ich will, drey hundert Thaler ein
So will mein Tractament doch nicht zulänglich seyn:

	Rthlr.	Gr.
Für viertzig Thaler Holtz, damit ich nicht erfriere	40	—
Zwey Thaler wöchentlich zu Covent, Wein und Biere...	104	—
Für Butter, Fleisch und Brod, für Grütze, Saltz und Licht, Setz ich vier Gulden an, sie reichen öffters nicht	138	20
Ein Thaler monathlich nur an Gesindes Lohne,.....	12	—
Auf sechzig Thaler Zinss, damit ich sicher wohne,.....	60	—
Für Knaster, Spagniol, für Zucker und Thee bou, Peruquen, Wäscher-Lohn, für Hembde, Strümpff und Schuh	33	8
Vier Thaler dem Barbier, wo aber bleibt der Schneider,	4	—
Ich rechne monathlich zwey Thaler nur auf Kleider ...	24	—
Summa..	416	4

Doch leider: dieses macht vier hundert Thaler aus,
Und dannoch hab ich nicht noch alles in dem Hauss,
Was kostet nicht die Frau, was kosten Band und Spitzen?
Was Adrianen, Schmuck, Pantoffeln, Hauben, Mützen?
Was kost der Domino mit Spitzen ausgeziert,
Wann man sie Winters-Zeit auf die Redoute führt?
Und wann man Sommers-Zeit in Stamkens-Garten fähret,
So seynd 6 Groschen bald in Kuchen nur verzehret.
Wie offte muss man nicht alhier zur Hochzeit gehn?
Wie offte muss man auch nicht zu Gevattern stehn?
Und läst man öfftermahls den eignen Zuwachs tauffen,
So muss man alsobald mit Geld zur Kirchen lauffen:
Was kost das Kinder-Zeug, was kost der Ammen-Lohn,
Stirbt etwan aber gar der liebe kleine Sohn,

So wird man nimmermehr das Kind umsonst begraben,
Warum? die Kirche muss voher das ihre haben.
Kurtz, alles kostet Geld, und eh ichs nicht gedacht,
Ist mir schon wiederum die Casse leer gemacht.
Wie können nun auffs Jahr drey hundert Thaler reichen?
Drum grosser König: lass dich meine Noth erweichen
Setz hundert Thaler zu: dann krieg ich nur ein Blat,
Dass deine Gnaden-Hand selbst unterzeichnet hat,
So ist mein Wunsch erhört; ich sterb in tieffen Dancke,
Mein König, Fürst und Herr
Dein Pflichtverbundner
Hancke.

Сравнение перевода с подлинником показывает, что лицо, переводившее стихи Ганке, держалось довольно близко оригинала и лишь в нескольких местах руссифицировало немецкий текст. Напр., немецкое Covent (пиво) [1] заменено квасом (стих 14); немецкое pflichtverbundner Hancke (много обязанный Ганке) переведено, соответственно русским нравам той эпохи, «раб ваш Ганк покорный» (ст. 46). Особенно любопытно смягчение антицерковного выпада немецкого автора. У Ганке сказано (ст. 36—38):

Stirbt etwan aber gar der liebe kleine Sohn,
So wird man nimmermehr das Kind umsonst begraben,
Warum? die Kirche muss vorher das ihre haben.

(Умрет ли маленький сынок, безвозмездно его ни за что не похоронят; почему? церковь прежде всего должна получить свое). Русский переводчик смягчил это антиклерикальное место:

И когда умирают, не минется трата,
Понеже на церковны всякие доходы,
Всегда чинить надлежит такие расходы.

Однако, несмотря на удачный в общем перевод, интерес русского текста не в этом. Главное здесь, конечно, в том, что переводчик сознательно стремился перевести немецкое стихотворение размером подлинника. Первые три стиха удачно выдержаны в шестистопных ямбах, как и немецкий оригинал. Но дальше

[1] Ср. Grimm. J. u. W. Deutsches Wörterbuch. 1873, L., B. V, SS. 1574—1575.

идут обычные 13-сложные силлабические стихи. Повидимому, начатую попытку пришлось оставить за недостатком времени. В самом деле. Депеша из Дрездена была отправлена 18 октября 1729 г., напечатан материал был в номере от 1 ноября, т. е., в срок меньший, чем две недели, или, если предположить разницу в стилях, в 24 дня. Если отнять отсюда время на пересылку депеши и на печатание номера Примечаний, очевидно, на долю переводчика остается очень мало времени. Как бы то ни было, этими тремя начальными стихами перевода демонстрировалась принципиальная возможность применения на русской почве тонического стихосложения. В этом и заключается интерес данного отрывка. При том большом внимании, которым пользовались «Примечания»,[1] стихи Ганке в русском переводе должны были быть известны любителям. Что это так, убеждает и то обстоятельство, что они хотя и в сокращении, были включены в знаменитый «Письмовик» Н. Курганова.[2] Следовательно, обращение их в кругу знатоков русской поэзии в 30-е годы XVIII в. не подлежит сомнению, и, тем самым, возникает, едва ли безосновательное, предположение, что стихи эти могли служить аргументом в пользу перехода к тоническому стихосложению. Особенно убедительно звучит это предположение, если помнить, что шестистопный ямб перевода не случаен.

В связи со всем этим возникает вопрос, кто же был переводчиком стихов Ганке. Поскольку перевод был напечатан в академическом издании, естественно следует искать переводчика среди лиц, причастных к редакции «Примечаний». Однако, прежде чем обратиться к этому вопросу, следует устранить одно недоразумение.

Дело в том, что перевод стихотворения Ганке, найденный в рукописном сборнике XVIII в., был около полустолетия назад принят за оригинальное стихотворение одного из крупных писа-

[1] Даже в 1754 г. разыскивали любители это издание. Ср. письмо Ломоносова И. И. Шувалову в январе 1754 г.: «По приказу вашего превосходительства старался я достать примечания на ведомости, но получить их не мог. Уже многие и за несколько лет их спрашивают; однако, сыскать не могли, за тем что их по малу было печатано и не по мере Российского государства, а особенно ныне, узнав наш народ пользу наук, больше такие книги хранит для их ревкости...» (Билярский, П. С. Материалы для биографии Ломоносова, СПб., 1865, стр. 250).

[2] Российская универсальная грамматика, СПб., 1769, стр. 277—278; Книга письмовник, СПб., 1777, стр. 282.

телей того времени и даже вошел в полное собрание его стихотворений. Автор этот кн. А. Кантемир.[1]

В статье «Три неизвестные произведения князя Антиоха Кантемира»[2] В. Г. Дружинин перепечатал указанные в «Отчете Московского публичного и Румянцевского Музеев за 1879—1882 гг.» два неизвестные стихотворения автора «К уму своему». По указанию составителя отчета, сборник, из которого заимствованы стихотворения, писан в эпоху Ант. Кантемира, стихи эти находятся непосредственно за шестью его сатирами первой редакции и поэтому возникает предположение о принадлежности ему этих неизвестных до того времени произведений.

Второе из приведенных В. Г. Дружининым стихотворений А. Кантемира не имеет заглавия и представляет знакомый нам перевод стихов Ганке.[3] Впрочем, следует указать, что текст, опубликованный, как Кантемировский, имеет ряд мелких разночтений с текстом «Примечаний» 1729 г.

Приводить эти разночтения не имеет смысла, достаточно лишь отметить, что, в тех случаях, когда разночтения эти не представляют орфографических отступлений, имеют место явные искажения; например:

1 между ст. 12 и 13 в «Примечаниях» «ефимки, гроши», — у Кантемира «ефимки трачу»;

2 ст. 13 — «И дабы я не озяб» — «Как бы я не жил»;

3 ст. 14 — «Еженедельно с квасом» — «Ежедневно с квасом...»;

4 ст. 18 — «Шестьдесят за квартиру» — «За квартиру»;

5 ст. 29 — «сад Стамковой» — «сад станковой»;

6 ст. 46 — «И раб ваш Ганк покорный» — «Верный ваш Ганк».

Ряд стихов у Кантемира оказывается неполным, напр. ст. 2, 13, 14, 15, 16 и др.; некоторые, наоборот, имеют не 13, а 14 слогов, напр., ст. 37 и 45.

Затем имеются ошибки как в отдельных итогах расходов Ганке, так и в окончательной сумме их. Все это убеждает, что так называемый кантемировский текст представляет собой список, а не оригинал. Против авторства Кантемира говорит еще и то обстоятельство, что он был в 1729 г. при дворе Петра II в Москве и, следовательно, едва ли мог быть использован Академией Наук как переводчик, в особенности в столь короткое время, какое

[1] Русская поэзия, СПб., 1897, т. I, примечания, стр. 209—210.

[2] ЖМНП, 1887, № 12, отд. II, стр. 194—204.

[3] Там же, стр. 203—207.

было в распоряжении у редакции «Примечаний». Кроме того, в рукописном сборнике перевод виршей Ганке идет за шестью сатирами Кантемира, а, как известно, шестая сатира была написана в 1738 г.[1] Таким образом, запись в сборнике могла быть сделана не ранее 1738 г., а это показывает, что стихи Ганке попали в сборник очевидно, лишь около этого времени, и, повидимому, не непосредственно по тексту «Примечаний», а в каком-то списке, чем и объясняются отмеченные выше разночтения.

Кто же был переводчиком виршей Ганке? Как сказано было выше, лицо это должно было быть связано с редакцией «Санктпетербургских ведомостей» и «Примечаний». Сведения о последней сохранились полностью.

В «Rapport von dem gegenwärtigen Zustande der Kayserl. Academie der Wissenschaften zu St. Petersburg... in denen Jahren 1728 und 1729», представленном 27 декабря 1729 г., имеются следующие данные:

«Translateurs:... Schwanewitz, welcher mit seinen Discipeln Elia Petrow und Matfe Alexeiew die Anmerkungen und Zeitungen bissher ins Russische übersetzt hat».[2]

Относительно этих трех лиц у нас имеются очень незначительные сведения:

Шваневитц, Мартин Иванович, родом из Пруссии, был принят в Академию Наук с сентября 1725 г. как студиозус, затем с 1726 г. был преподавателем (informator) немецкого языка в академической гимназии. С 1728 г. по 1732 г. он переводил с немецкого на русский «Ведомости» и «Примечания». Затем перешел на службу в Шляхетный корпус гофмейстером, сохраняя связь с академической гимназией, как ректор немецких классов последней. Им была составлена грамматика для обучения русского юношества немецкому языку, изданная в 1730 г. и выдержавшая несколько изданий, а другая грамматика для обучения немцев русскому языку была доведена им до глагола. Ему же принадлежит половина немецко-латинско-русского словаря (Вейсманова лексикона). В 1735 г. ему было предписано принимать

---

[1] Соч. кн. Кантемира, под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1868, ч. II, стр. 449.

[2] «Переводчики:... Шваневитц, который со своими учениками Ильей Петровым и Матвеем Алексеевым до сих пор переводил Примечания и Ведомости». «Rapport» полностью напечатан в «Материалах для истории Академии Наук», СПб., 1885, т. I, стр. 603.

участие в заседаниях Российского собрания переводчиков. Умер в 1740 г.[1] Фамилия его писалась Шванвиц, Шваневитц, Шванович и Шванвич. Он был предком того Шванвича, который послужил Пушкину прототипом Швабрина.

Что касается двух русских учеников Шваневитца, то о них кое-какие данные сообщают списки учеников академической гимназии за 1726 г., существующие в двух текстах, русском и немецком, пополняющих друг друга.

Об Алексееве известно, что он родился в 1713 г. в Темникове на Украине, был сыном стряпчего (eines russischen Advokaten Sohn), принят был в гимназию при Академии Наук 15 июля 1726 г.[2]

Илья Петров был сыном церковника (eines Küsters), родился в Костроме (Costrom bey Jaroslaw) в 1711 г., принят в гимназию 26 июля 1726 г.[3] В 1730 г. Петров и Алексеев получали по 24 р. в год жалованья.[4] После ухода Шванвица в Шляхетный корпус (1732), Петров в звании ассистента, единолично переводил «Ведомости».[5]

Кому из этих трех лиц принадлежит перевод стихов Ганке, сейчас установить невозможно. Однако, всего вероятнее, что идея перевода размером подлинника могла принадлежать Мартину Шваневитцу.

Наконец, следует вспомнить еще одну попытку в том же направлении, которую акад. А. А. Куник назвал в свое время «Первое подражание Ломоносова ямбам, в конце 1740 года»,[6] отказавшись, впрочем, позднее видеть здесь подражание Ломоносову.

В № 1—2 «Примечаний к ведомостям» за 1741 г. (от 2 генваря) было помещено приветственное стихотворение только-что вступившему на престол маленькому императору Иоанну Антоновичу,

---

[1] Сведения о Шваневитце почерпнуты из «Материалов по истории Академии Наук», тт. I—III и VI passim (см. по указателю); кроме того, «Очерк истории языкознания в России» С. К. Булича, СПб., 1904, стр. 321—325 (данные о «Немецкой грамматике» 1730 г., без указания фамилии Шваневитца, и о «Вейсмановом лексиконе»).

[2] Материалы для истории Акад. Наук, т. I, стр. 225 и 335.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 650.

[5] Там же, т. II, стр. 122 и 326.

[6] Ученые записки ИАН по I и III отд., 1885, т. III, вып. II, стр. 264—265; ср. его же: Сборник материалов для истории ИАН, СПб., 1865, вып. I, стр. XLV.

тщательно уничтожавшееся позднее при Елизавете. Комплекты «Примечаний» за 1741 г. с первыми номерами исключительно редки. Как указывалось выше, русский и немецкий тексты «Ведомостей» и «Примечаний» были идентичны, причем русский представлял большей частью перевод с немецкого. Так, очевидно, обстояло дело и со стихотворением, на которое обратил внимание А. А. Куник. Последние строки этого русского текста (с немецким — стихами Штелина, — как указывает Куник, — познакомиться мне не удалось — в виду отсутствия полного комплекта немецкого издания «Примечаний» за 1741 г. в ленинградских книгохранилищах) представляют тонические стихи, именно не до конца выдержанный четырехстопный ямб. Вот они:

... Поздравление к Новому году...
Чтоб императорский наш дом
был в непременном щастья цвете
И чтоб *Россия*
древность лет монарха
Зрила в новом свете.
Чтоб дух Великого Петра
Во внуке Анны равен зрился
Как славы верьх при Анне рос,
Чрез Анну б вящше возносился! (стр. 8).

Перевод подписан буквой «О» — А. А. Куник не мог расшифровать этой подписи, откладывая свои разыскания до большего досуга.[1]

Повидимому, переводчиком был «студиозус Академии Наук» Иоанн-Генрих (или Андрей) Остервальд, поступивший в Академическую гимназию 15 апреля 1729 г.,[2] работавший в 1740—1741 гг. в Библиотеке Академии Наук[3] и принимавший участие во время похорон Анны Ивановны в качестве переводчика в одной из академических комиссий.[4] В январе 1741 же года он перешел на службу переводчиком в коммерц-коллегию.[5]

---

[1] Сборник, вып. I, стр. XLV.

[2] Материалы для истории ИАН. СПб., 1887, т. IV, стр. 437.

[3] Там же, стр. 578.

[4] Протоколы Академии Наук. СПб., 1897, т. I, 1725—1743, стр. 646 и 650. Кроме того, его переводы печатались в «Примечаниях» за 1740 г., №№ 12 и 13, 14 и 15, 58 и 59, 60 и 61, 102 и 103.

[5] Материалы, т. IV, стр. 545.

Приведенные данные показывают, что опыты иностранцев в применении к русскому языку тонического стихосложения были не единичны и потому не должны быть сбрасываемы со счетов при выяснении путей проникновения и водворения на русской почве новой стихотворной системы. Как немецкая буржуазная наука, насаждавшаяся Петром, явилась до возникновения туземной науки заменой феодально-теологических штудий московской интеллигенции конца XVII и начала XVIII вв., так и западное стихосложение (и именно немецкое, бывшее перед глазами у академических переводчиков) оказалось отправной точкой для перехода от силлабики к тонико-силлабике: Тредиаковский, ссылавшийся, как на источник своих опытов, на народную поэзию и на «иллирическую книжку», в которой М. П. Петровский видит поэму И. Гундулича Suze sina razmetnoga,[1] безусловно знал и стихотворение Спарвенфельдта, и застольные песни Пауса, и перевод виршей Ганке, — все это было слишком известно, слишком на виду, и именно поэтому Тредиаковский предпочел умолчать об этом материале.

---

[1] Библиографические заметки о некоторых трудах Тредиаковского. Страничка из истории русского стихосложения. Казань, 1890, стр. 28—29. Ср. Перетц. Исследования, т. III, ч. I, стр. 52.